

**Р. Я. Рассудова**

**КУЛЬТОВЫЕ ОБЪЕКТЫ ФЕРГАНЫ  
КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ОРОШАЕМОГО  
ЗЕМЛЕДЕЛИЯ**

История развития земледелия в Узбекистане, в частности в Ферганской долине,— проблема, достаточно разработанная в отечественной историографии<sup>1</sup>. Весьма обширен и круг источников, в основном археологических и письменных, привлекаемых для ее исследования. Это не исключает, однако, поиска и использования новых материалов, прежде всего этнографических и ономастических. Существенно расширяет наши представления об изучаемой проблеме и такой интересный источник, как культовые традиции.

Исследовавшие автором культовые объекты располагались в долинах рек от истоков до устья, т. е. в горах, предгорьях и на равнине, в районах с различными природными и хозяйственными условиями. Многие мусульманские «святыни» и кладбища при них отмечены в Фергане уже в эпоху Саманидов, т. е. в IX—X вв., и, как правило, на местах, где происходило отправление домусульманских культов. Традиционно в истоках рек население Ферганской долины выделяло семь наиболее значительных «святых» мест, известных даже за пределами Ферганы. Одной из наиболее почитаемых была «святыня» Оша, древнейшего из городов Ферганской долины. Происхождение и название г. Оша народная легенда связывает с первым земледельцем Адамом, который якобы довел до этого места свою первую борозду и произнес слова: «Ош, хош»<sup>2</sup>. Вокруг Оша все считалось «священным», а потому и целебным: земля, пыль, горы, вода, растения. Паломники, посещавшие, например, находившуюся вблизи гору Сулеймантау, прикасались к камням и земле руками, а затем проводили ими по лицу; воду и землю они уносили с собой.

Вторым по значению культовым центром считались «священный» Джелалабад и его окрестности, где было много целебных водных источников. Возникновение этого города связывалось с именами пророков Айюба и Сулеймана. Третий центр находился к западу от Джелалабада и Оша, в горах, у истока р. Араван, недалеко от одноименного селения; здесь, согласно поверьям, имелись следы пребывания четвертого халифа — Хазрат Али, зятя Мухаммеда. С Али связывались и целебные источники, и мазар Дульдуйота. С ним соотносили и четвертую «святыню», расположенную на берегах Карадарьи, выше селения Кампир-рават. В истоках таких крупных рек южной окраины Ферганы, как Исфайрам и Шахимардан, были известны еще две «святыни». По местному преданию, Али боролся с неверными около селений Хайдаркан и Кадамджой, в названиях которых сохранилась память об Али (хайдар — «лев», кадамджой — «место следа»). Другим, особо почитавшимся центром культа «святых» была «гробница» Али в сел. Шахимардан. Само это название отражало почетный эпитет Али — «царь мужей, богаты-

<sup>1</sup> См., например: Бартольд В. В. К истории орошения Туркестана.— В кн.: Сочинения. Т. III. М.: Наука, 1965, с. 5—31; *его же*. История культурной жизни Туркестана.— В кн.: Сочинения. Т. II. Ч. 1. М.: Изд-во вост. лит., 1963, с. 1—66; Батраков В. С. Характерные черты сельского хозяйства Ферганской долины в период Кокандского ханства.— В кн.: Тр. Среднеаз. гос. ун-та. Вып. II. Ташкент: Изд-во САГУ, 1955; Андреев М. С. Таджики долины Хуф. Вып. I. Сталинабад: Изд-во АН ТаджССР, 1953, с. 83; Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая.— В кн.: Материалы и исследования по археологии СССР. № 26. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1952; Миддендорф А. Очерки Ферганской долины. СПб., 1872.

<sup>2</sup> Бернштам А. Н. Древняя Фергана. Ташкент, 1951. Памятуя доброе отношение покровителя земледелия Адама к волам, ферганские крестьяне считали большим грехом грубое обращение с этими животными. Во время пахоты, когда волов погоняли, их называли ласковыми словами, например «джанувар» — «имеющий душу».

рей»<sup>3</sup>. Согласно легенде, сражаясь с «неверными», а по другой версии — с дэвами, покровителями «неверных», именно в этом месте Али якобы погиб в неравном бою. Приходившие сюда паломники приносили жертвы около оз. Курбанкуль («озеро жертвы») и в самом кишлаке, у слияния рек Карасу и Аксу, неподалеку от «могилы» Али.

У западной границы Ферганской долины, в горах, на р. Сох, находилась седьмая «святыня» — мазар Йигит-Али-пирим, также связанная с Хазратом Али. В ее названии отразилось представление об Али как о покровителе молодых мужчин — «йигитлар пири». К этому мазару в течение всего года, особенно перед окончанием праздничных гуляний («сайль»), приходили молодые и средних лет мужчины и приносили жертвы в честь «его преподобия» (Хазрат) Али. Паломники наполняли свои сосуды водой из Соха и его притоков, на которых находились «святыни», брали немного земли и по возвращении домой обсыпали ею мальчиков. Создается впечатление, что именно в этих местах Ферганы, на ее южной, горной окраине, Хазрат Али пользовался особым почитанием. Во время провеивания зерна в этих же районах крестьяне обращались именно к Али («О, мир Хайдар!») с просьбой послать им ветер.

К названным культовым объектам паломники приходили не только из Ферганской долины, но также из Ташкентского оазиса, Зеравшанской долины, низовьев Сырдарьи. Жители Ферганы считали, что человек обязан посетить эти семь «святых мест» в течение жизни не менее семи раз. Большинство же паломников приезжало в эти места один-два раза в жизни. При этом в течение одной поездки, занимавшей в зависимости от разных обстоятельств полтора-два месяца, состоятельные люди имели возможность увидеть все семь «святых мест». Первый раз человека привозили к «святыням» еще ребенком, причем к захоронению того «святого», которому посвящались его волосы. Одно из последних посещений приурочивалось к 63 годам — возрасту пророка.

Култ «святых» повсеместно был обусловлен верой в их чудодейственную силу, способность предотвращать несчастья, наделять людей благополучием, исцелять от болезней. Например, закалявая жертвенное животное на берегу водных источников, стремились, чтобы кровь стекала в воду. При этом каждый из участников жертвоприношения молился прежде всего о том, чтобы вода не иссякала, была обильной, и лишь затем перечислял другие свои просьбы. Жертву посвящали тому «святому», у мазара которого было убито животное.

Кроме упомянутых крупных культовых мест значительные объекты поклонения имелись в начале оросительных магистралей, выведенных из Соха, Исфайрама, Карадарьи и т. д. Священные захоронения на кладбищах этих мест окрестные жители связывали с реальными лицами из группы, носившей чаще всего название «ходжа». Многочисленные потомки их проживали в крупных селениях данной водной системы и в городах.

По преданию, на земли сел. Вуадиль (оно расположено в начале первых отводов из р. Шахимардан, на каналах Арабтепасай и Маргелансай) первые каналы провели «святые» Абдували Ходжа и Чинор-ота и сначала посадили здесь сад. Верующие считали, что эти «святые» распоряжались водой р. Шахимардан; они могли увеличить или уменьшить и даже остановить приток воды. Поэтому их могилы и почитались земледельцами всей водной системы Шахимардан. Так как мазары названных «святых» находились на путях к горным кишлакам, в скотоводческие районы или к перевалам, они привлекали внимание всех путников, особенно пастухов, осенью пригонявших скот в долину. Мимо этих мазаров полагалось проходить только пешком, произнося при этом: «Да озарится светом его могила..., да соберет он воду в единый поток

<sup>3</sup> Бартольд В. В. К истории орошения Туркестана, с. 134; *его же*. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. — В кн.: Сочинения. Т. 1. М.: Изд-во вост. лит., 1963, с. 213—217; Масальский В. И. Туркестанский край. Россия. Т. XIX. СПб., 1913, с. 707, 713; Будагов Л. З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Т. 1. СПб., 1869, с. 663.

и ниспошлет нам божью благодать!» Здесь же приносили жертву, чаще всего барана.

На кладбище сел. Сарыкурбан, рядом с которым начинаются первые магистрали из р. Соха — Нурсук и Риштан, имеется мавзолей широко известного «святого» Гаусал Агзама (также из среды «ходжа»). Крестьяне считали его «хозяином» сохской воды. «Хозяином» же карадарьинских каналов Андижансай, Шарихансай был «святой» Кампыр-рават ходжа. И здесь эти «святые» — «хозяева» воды, по представлениям местных жителей, регулировали поступление и режим воды, определявшие особенности земледелия в каждой водной системе. Им и приносили жертвы. До Великой Октябрьской социалистической революции выборные представители водной администрации один раз в году собирали со всех жителей средства на приобретение животных для жертвоприношений у мазаров, расположенных в истоках первых магистральных каналов. Жертвы «святым», от которых якобы зависел оптимальный водный режим в течение всего цикла развития земледельческих культур, начинали приносить с поздней весны или начала лета, т. е. перед наступлением первого паводка («саратон су»), имевшего большое значение для урожая, его количества и качества. Поэтому, несмотря на обременительность расходов, крестьяне участвовали во всех таких действиях. В качестве жертвы закалывали любое животное, как говорили, «лишь бы выпустить кровь». Обычно резали овцу. Однако если вода приходила на поля слишком поздно или ее было очень мало, то в западной части Ферганской долины, особенно в Сохском бассейне, предпочитали закалывать козу, резвость которой, согласно поверью, способствовала появлению бурного потока. В восточной части долины при длительной задержке воды вместо обычного барана резали верблюда как символ изобилия. Если же воды было слишком много, полагалось приносить жертвы тем же «святым», но запрещалось заклание «неспокойной» скотины. На мазарах, расположенных у начала магистралей, как и на всех других крупных «святынях», обязательно отводились места для приготовления ритуальной пищи; здесь же хранилась и специальная посуда. Рядом жили смотрители мазаров — шейхи (ходжа), считавшиеся потомками захороненного в этом месте «святого». Участниками обряда жертвоприношения на мазарах были, как правило, представители водной администрации, значительная часть которых принадлежала к тем же ходжам, а также известные в данном районе почтенные люди.

Не менее интересны «святыни», сосредоточенные в самых низовьях водных бассейнов, — «дайровод» или «корадайровод» и на хакобных землях. Здесь оканчивались самые крупные магистральные каналы, сохранявшие на всем своем протяжении одно и то же название. В системе Шахимардансая и Исфайрамсая особо почитаемые населением «святыни» находились на концах магистральных каналов. Из многочисленных магистральных каналов, по словам местных жителей, нужно выделять здесь следующие семь наиболее значительных: Хангиз, Чимион, Арсиф, Файзабад, Ярмазар, Садкак, Найман. В конце этих каналов, в окрестностях одноименных селений, находились и семь «святынь», где, по преданиям, погребены семь братьев и одна сестра — Буви-она. Около этих «святынь» сложились большие кладбища.

В наше время многие традиционные представления местным населением утрачены. Информаторы, в частности, не знают всех семи «святынь». Например, в нижней и средней частях Сохского бассейна старожилы называют лишь пять кишлаков, связанных с крупными сохскими «святынями».

Могила сестры указывали на кладбище сел. Бувайда (в соседних селениях имя этой «святой» произносили как Хувиона или Хувайда). Могила самого старшего из братьев, Ходжа Турапа, который по преданию был военачальником, расположена на кладбище кишлака Найман. Жители кишлака Мазар считали, что на их кладбище похоронен «святой» Султан Баяз, второй брат; по словам стариков, он служил конюхом у крупного арабского военачальника (по преданиям, возможно,

даже у самого Кутейбы). Третий брат, имя которого уже забыто, был якобы сборщиком налога («баджир»). Возможно, именно он и захоронен в кишлаке Бачкир. Помимо этих, очевидно, реальных лиц в легендах отразилось немало мифических элементов, связанных с древнеанимистическими представлениями. По рассказам старых мирабов и крестьян, Ходжа Турап ежегодно являлся к ним при наступлении весеннего паводка, связанного с «оживлением» этого «святого». Весной он будто бы отправлялся с низовьев бассейна к его верховьям, на Сох-сай. Здесь он встречался с другим «святым», Хызром, с которым также связывались существование и режим р. Сох, и принимал у него воду, приведенную тем с гор. По бытовавшим в Сохском бассейне поверьям, с окончанием 90-дневного зимнего периода («токсан») пророк Хызр направлялся с низин, от Коканд-сая, где терялась р. Сох, в ее верховья, в горную теснину, и прибывал туда ко времени летнего паводка («киргин»). Здесь он будто бы предотвращал угрозу водного потопа, распределяя воду пятью растопыренными пальцами по пяти рукавам. В этом ему помогал в горах Хазрат Али — покровитель мужчин. Наступление летнего паводка воспринималось крестьянами как встреча Хызра и Али. Местные жители считали также, что Хызр снова соединял пять рукавов р. Сох в один поток у Сарыкурмана, т. е. там, где начинается ровный и спокойный рельеф, и доводил воду до присырдарьинских хакобов и песков, после чего исчезал. Существовала поговорка: «Пока Ходжа Турап не пойдет за водой навстречу Хызру, паводок в Сохе не наступит».

В Ферганской долине, особенно в районах Сохской и Исфайрамско-Шахимарданской систем, можно найти немало мест, где сохранилась вера в «святого» Хызра. Некоторые исследователи усматривают связь этого образа с древними представлениями об умирающем и воскресающем божестве. Появляясь неожиданно в самых различных видах во всякое время года, Хызр, по поверьям, оказывал людям помощь, принося им благодать. Желанием встретиться с ним объясняли обычай рано вставать, а также долго оставлять дверь во двор открытой. Он постоянно странствовал, нигде не останавливаясь надолго и постоянно проявляя свою чудесную силу. Так, рассказывали, что по пути следования Хызра от сел. Ташлак до Яккатута (по дороге Маргелан — Кува) от удара его посоха в семи местах забились родники и выросли деревья: чинар, тут, туг, карагач. В этих местах, которые стали считаться «святыми», селились люди и начинали заниматься земледелием. По мере расширения поселений «священные» деревья частично оказывались внутри их территории или вблизи от них, причем нередко — именно на кладбищах. Под «священными» деревьями по определенным дням зажигали лучины, обмотанные ватой и пропитанные маслом; огонь посвящался душам умерших предков. Здесь же устраивались парикмахеры; считалось, что «священное» дерево якобы предотвращало порчу, которую через стриженные волосы можно было навести на человека. При первом и последнем поливах зерновых культур воду пускали в первую очередь под «святые» деревья или хотя бы выливали в бороздку, выкопанную вокруг них, ведра два воды. В последний день старого года и в первый день нового жители кишлаков приходили с детьми к своим «священным» родникам и совершали омовение.

К сохским семи «святыням» каждую осень стекались земледельцы, ремесленники, торговцы и скотоводы всего Сохского бассейна. По словам старых мирабов, они шли сюда на праздник земледельцев-водопользователей «обхур дехканлар сайил», известный также и как праздник дынь — «кавун сайль»<sup>4</sup>. В Сохском бассейне большие народные

<sup>4</sup> Еще в начале XX в. в разных местах Средней Азии устраивались народные гулянья «сайль», приуроченные к тем или иным событиям. Все они проводились в местах, имевших культовое значение. Наибольшей известностью пользовались новогодние гулянья, которые назывались в Самарканде «афраснаб сайль», в предгорных и горных окраинах Ферганской долины и в Нурате — «лола (или кизил гуль) сайль», «ноуруз сайль». Жители же долинных частей Ферганы, особенно низовьев водных бас-

гуляния, связанные с созревaniem урожая (в данном случае дынь), происходили в конце августа — начале сентября и должны были по традиции продолжаться семь дней. Но, как правило, праздник длился 11—13 дней. За этот срок полагалось посетить все семь мазаров и принести жертву на каждом из них. При этом время пребывания на тех или иных мазарах обычно зависело от значимости «святыни». Наибольшее внимание уделяли мазару Ходжа Турапа, расположенному у конца магистрального канала Найман (недалеко от северо-западной окраины г. Коканда), и мазару Султан Баяза, находившемуся в конце канала Картан (около сел. Мазар). От одного из этих мазаров люди начинали свое путешествие по местам поклонения или завершали здесь свой путь, останавливаясь у «святыни» на более длительный срок.

Обычно к мазарам не ходили в одиночку. Как и при любом путешествии или поездке в гости, собирались группы односельчан, к которым могли присоединиться также родственники и знакомые из других кишлаков. При этом полагалось, чтобы группы, направлявшиеся на кавун сайль к мазарам в низовьях Соха, включали не менее семи человек. Состав же групп определялся связями, которые возникали в общине в течение земледельческого года между людьми, постоянно оказывавшими друг другу трудовую и материальную помощь.

Согласно древней традиции, верующие шли сначала к месту захоронения «святого», затем обходили различные его «следы», собирая травы, камни, наполняя свои сосуды водой; потом резали жертвенное животное и съедали его мясо. Эти ритуалы соблюдались и на упоминаемых семи мазарах в низовьях сохских оросительных магистралей. Однако следует отметить и некоторые специфические обряды, характерные только для низовьев сохских магистральных каналов. Здесь паломники должны были в первую очередь посетить находящиеся поблизости от мазара открытые безводные возвышенности, где земледельцы могли возделывать растения лишь в расчете на дождь, или низинные поля, питающиеся грунтовыми водами, т. е. хакобные земли. Такие земли пользовались особым почитанием паломников, и они обходили их по несколько раз, касаясь почвы руками, которыми затем проводили по лицу. При этом полагалось восхвалять окрестности мазаров, где якобы все лучше: и ветер здоровее и мягче, и солнце не так обжигает. И действительно, в конце лета — начале осени в низовьях Соха устанавливалась наиболее благоприятная погода. Со спадом летнего паводка поливы здесь сокращались, а следовательно, уменьшались и испарения, воздух становился суше, западные ветры затихали. Несмотря на все еще сильную жару, в тени уже было относительно прохладно, особенно к вечеру. Почитание неполивных земель верующие объясняли тем, что они якобы были отмечены «божьей силой», в связи с чем и растения на них произрастали без особого труда человека.

На низинных участках почва была рыхлой вследствие большой примеси песка, а ее плодородие постоянно восстанавливалось паводками и, главное, высоким уровнем грунтовых вод. Все это вполне обеспечивало растения влагой в течение всего периода вегетации. Дыни, выращивавшиеся в этих местах, были необыкновенно вкусны. Почвы же тех высоких земель, где возделывали лишь неполивную пшеницу, не уплотнялись искусственным орошением и поэтому оставались относительно мягкими; их вспахивали неглубоко и лишь один раз (после посева, чтобы закрыть семена землей). Плодородие же поддерживалось за счет применения залежной системы. Как видим, в низовьях Сохской системы особо

---

сейнов, отрицают существование в прошлом здесь весенних гуляний, утверждая, что весной сайли устраивали лишь в таджикских районах. Узбеки отмечали наступление весны скромно и в пределах своих общин. В эти дни местные жители обязательно омывались в «священных» родниках селений. Мужчины устраивали общественные трапезы — «дарвишона» в общинных мечетях или на кладбищах, используя при этом общественные котлы и другую посуду. Женщины, собравшись в доме, где должна была состояться трапеза, вскладчину варили мучной кисель на солоде — «сумалак»; готовили его в каждом доме по очереди.

почитались земли, обработка которых, действительно, не требовала большого труда; поэтому здесь сохранились облегченные формы хозяйственной деятельности.

Осенние сохские праздники способствовали оживлению торговли. В селениях, ближайших от популярных мазаров, устраивались еженедельные торги. Во время праздников здесь открывались ярмарки. Самым крупным торговым центром был г. Коканд, выросший рядом с наиболее известным мазаром Ходжа Турапа. Бувайда со своим базаром также располагался недалеко от популярного мазара Буви-она. Совсем близко от этих мест возник крупный торговый центр Янги-курган. Такое совпадение пунктов паломничества и торговых центров в Ферганской долине неслучайно. Использование мусульманской религией старых культовых мест, связанных с торговыми селениями, отмечено исследователями в более раннее время в других районах, в частности в Зеравшанской долине<sup>5</sup>.

Остановимся на традиционных воззрениях населения, связанных с различными оросительными каналами. Местные земледельцы, как и старые мирабы, считали, что есть два типа сохских каналов (общее число их доходило до 100). К первому типу относили крупные, многоводные каналы, на всем протяжении имеющие одно и то же название, которое совпадало с названием кишлака в самом конце магистрали (Риштан, Кенегез, Найман, Хан, Картан, Задиён). Эти каналы сосредоточивались в основном на юго-восточной окраине Сохской оросительной системы и доходили до солончаково-песчаной пустыни. Их считали наиболее древними и глубокими. Ко второму типу, по словам стариков более позднего, причисляли каналы, имевшие двойные наименования. В средней части канала этого рода располагалось селение, название которого совпадало с названием его верхней половины; в конце канала было другое селение, одноименное с названием его нижней части. Некоторые каналы второго типа выведены непосредственно из Сохсяя; другие же представляют собой отводы крупных каналов, в свою очередь служивших магистралями для более мелких. Все они, обычно более короткие, не доходят до периферии Сохской системы и орошают район галечниковых сероземов с наклонной поверхностью и глубоким залеганием подпочвенных вод. Район их распространения примерно соответствует средней части Сохского оросительного веера.

Древность некоторых протяженных и многоводных каналов с единым названием население обосновывало также обилием здесь «священных» мест, почитаемых деревьев (джигда-лох янгок — дерево грецкого ореха, тут, карагач, чинар), больших камней причудливой формы, даже оврагов и пустырей, где по народным поверьям, случались вихри, а также слышались непонятные завывания. В каждой водной системе были одна-две подобные магистрали: в Исфайрамской системе — Язъявансай, в Шахмарданской — Маргелансай и его продолжение Пиниканарык, в Сохской — Кокандсай. Ирригаторы и местные жители относят теперь эти каналы к запасным, водосбросным и считают их как бы продолжением естественного русла рек. Вероятно, именно поэтому их нередко называют «сай», а не «арык». Среди населения существовало особое отношение к ним. Приближаясь к каналам, где находились почитаемые объекты, или проезжая через них, люди обязательно произносили молитву и проводили по лицу руками (даже если поблизости не было ни кладбищ, ни «святых» могил); сами каналы старались пересечь пешком. Вода здесь считалась опасной («одамни уруш мумкин» — «человека может ударить», т. е. повредить) и в то же время благодатной («баракали»), особенно полезной для посевов, хотя источником являлась одна и та же река — Сох, Исфайрам и т. д.

Вдоль каналов второго типа, т. е. имевших два разных названия, значительных «святых» мест было мало. Расположенные здесь могилы

<sup>5</sup> Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана, с. 21, 213—217; Смирнова О. И. Очерки истории Согда. М.: Наука, 1970, с. 139—155.

«святых» пользовались известностью у жителей ограниченного круга селений. Считалось, что это захоронения известных людей, память о которых сохранялась среди местных жителей. Вдоль мелких каналов, проведенных сравнительно поздно, объектами поклонения служили не «святыни», а места для жертвоприношений («курбон-джой», «курбон-гох»).

Изложенные материалы позволяют нам сделать некоторые предположения. Так, вырисовывается взаимосвязь между характером и степенью почитания «святынь» и древностью канала, кишлака, давностью освоения данной территории и развития на ней орошаемого земледелия. Около самых древних из упомянутых каналов располагались и наиболее известные «святыни». Крупные культовые объекты, расположенные в горах, по течению рек, обеспечивавших орошение земель и в долине, связаны с мифическими персонажами или ставшими легендарными историческими лицами, жившими в глубокой древности. Почитаемые «святыне», чьи «могилы» или «следы» пребывания были окружены особым поклонением, не сохранили связи с какими-то определенными слоями населения и служили объектами всеобщего поклонения.

В долине наиболее древней областью освоения были самые низовья р. Сох, земли ляльми и хакоб, где возделывание растений осуществлялось без искусственного орошения. Разливавшаяся вода реки использовалась вначале лишь для примитивных способов орошения. Как мы видели, в долине, в местах почитания особенно значительных «святынь», т. е. в низовьях рек и наиболее крупных древних магистралей, главными объектами в ритуалах поклонения «святым» выступали земля (возделывание последней не представляло больших трудностей благодаря грунтовым водам и атмосферным осадкам) и выращиваемые на ней культуры (дыни, пшеница). Здесь в сочетании с культом мусульманских «святынь» еще живо сохранились пережитки древних анимистических представлений.

Дальнейшее освоение земель шло к верховьям рек и сопровождалось осложнением оросительных систем и самих приемов земледелия. В этой средней части Сохского бассейна и культовые места, связанные чаще с короткими каналами, были более позднего происхождения. Еще сохранялись весьма близкие и реальные связи между похороненными здесь «святыми» и определенной группой местного населения; все они обычно причислялись к ходжам (известны также под названиями «тура», «саид», «зодиён» и т. д.).

Последовательность освоения различных частей речных бассейнов Ферганской долины подтверждается, на наш взгляд, материалами о погребальных традициях населения. Мазары, завершающие крупные магистральные каналы Соха или отдельные их части, обычно служили средоточием кладбищ, причем кладбища вокруг широко известных «святынь» принадлежали многим селениям, расположенным в окрестностях данного мазара, в радиусе до 10—15 км. Кладбищем мазара Ходжа Турапа пользовались ближайшие 40 селений; «святыни» Шахимарданско-Исфайрамской системы зачастую служили центром кладбища, общего для 10 селений. Обычно называется 24 селения, цифра, характерная для местного традиционного фольклора. Число селений четко выявлялось в дни жертвоприношений, связанных с поминанием усопших, коллективных жертвоприношений во время «сайлов» и «дарвишо-на». В этих случаях по обычаю жители окрестных селений доставляли по одному из своих общинных котлов на мазары и здесь устраивали ритуальную трапезу. Число шкур жертвенных животных также соответствовало числу селений, пользовавшихся данным кладбищем<sup>6</sup>. Эта

<sup>6</sup> В настоящее время на таких крупных кладбищах хоронят лишь глубоких стариков; когда, по местным обычаям, траур превращается в веселье («марака туйга ай-ланди»), или уважаемых в обществе людей. Свое пожелание быть похороненным на старом общем кладбище, среди могил своих родственников, они изъявляли в общественных местах, на собраниях. Здесь хоронят также и тех ходжей, которые генеалогически связывают себя с покоящимися в мазаре «святыми». Эта традиция особенно чет-

традиция соблюдалась весьма строго вплоть до конца прошлого столетия. Еще лет 100—200 тому назад в большинстве селений нижней части бассейна отсутствовали места захоронений людей старшего возраста в 9 из 10, в 23 из 24 и в 39 из 40 селений. По словам стариков, при таких селениях имелись только детские кладбища «чака (чакалак) мазар», или «куинди». Сначала здесь хоронили лишь младенцев, умерших до достижения ими сорокодневья. Затем постепенно возраст погребавшихся «безгрешных» детей увеличили до 9 для девочек и 12 лет для мальчиков. Детские кладбища не служили объектами поклонения. Сюда приходили лишь родители и близкие родственники умерших. Для посещения таких кладбищ, как и любых других, существовали специальные дни: канун нового года, праздники жертвоприношения и окончания поста, день поминания душ умерших.

Иначе обстояло дело в средней части Сохской системы, где условия для земледелия были менее благоприятны и, главное, более сложны. Водных магистралей было мало, к тому же они неразветвленные и короткие. Селения, обычно мелкие, были удалены друг от друга. Здесь не встречаются и крупные общие кладбища, подобные кладбищам в низовьях. В обследованных нами районах, например в округах Яйпана, Задияна и др., на общих кладбищах хоронили умерших только из четырех окрестных селений, и они имели лишь местное значение. «Святыне» же, захороненные здесь, как уже упоминалось, были реальными лицами, хорошо известными населению, и их потомки в окрестностях немногочисленны.

Рядом с некоторыми крупными селениями встречается несколько кладбищ — по числу проживающих в кишлаке семейно-родственных групп, или кварталов<sup>7</sup>. Так, в таджикском селении Бурбалык насчитывалось четыре кладбища, что соответствовало числу и названиям его кварталов: Юкори мазар, Кабристони махалла и Паст (или Куи), Миён (или Рохи Катпут) и Богот. В сартском селении Кургантепа (недалеко от сел. Чимиён) также было несколько кладбищ. Они отражали число и названия семейно-родственных групп старых жителей (Ахмадбуо уруги, Мирзакарим уруги, Бойлар тупи, Эликбоши тупи, Шолар тупи) и этническую принадлежность поздних переселенцев (кипчок-чуулдок, араб, мазанг). Здесь, как и всюду, место захоронения ходжей выделялось особо. На отдельных детских кладбищах, если таковые имелись, хоронили детей обоего пола, умерших до 9—12 лет, или только девочек. Жители средней части Сохского бассейна считали, что появление детских кладбищ предшествовало образованию особого кладбища того или иного селения.

Создание новых кладбищ здесь также шло от низовьев ирригационной системы к ее верховьям. Население указывало следующие причины их образования: дальность расстояния сел переселенцев от родовых кладбищ, большое число людей, переселившихся в эти места из разных районов, необходимость поддерживать связь с предками на новом месте. Кладбища около новых, поздних селений обычно основывали первые поселенцы, а люди, обосновавшиеся здесь позднее, еще некоторое время продолжали хоронить родственников на кладбищах тех мест, откуда они были родом. Мы видим, что появление новых кладбищ шло с низовьев каналов к их истокам. Это направление также отражало ход освоения земель.

ко сохраняется на кладбищах тех селений, земли которых орошаются из каналов, считающихся продолжением самой реки, т. е. естественных, а потому и древнейших источников воды. Одним из признаков таких каналов является сохранение в их названиях слова «сай», хотя имеются названия и без этого слова: Кокан-сай, Язъявон-сай, Пиникан и т. д. Термин «заур» также указывает на древность канала.

<sup>7</sup> В сел. Чадак отмечен весьма необычный и сложный принцип выбора мест для захоронения умершего. Здесь, как и всюду, учитывается принадлежность покойного к той или иной семейно-родственной группе, ведущей счет происхождения по мужской линии. Кроме того, имели значение также наличие на кладбище крупной «святыни», принадлежность к родственной группе по женской линии, возраст покойного. Значимость этих факторов в разных кварталах оказалась неодинаковой.

Наши выводы о развитии земледелия и ирригации, сделанные на основе этнографических материалов, в известной мере подтверждаются археологическими исследованиями, проведенными в Ферганской долине (без горных районов), в частности в той же Сохской системе. Б. А. Латынин в результате многолетнего изучения истории орошения разных частей Ферганы намечает этапы развития ирригации, определяя и их хронологические рамки<sup>8</sup>. Он считает, что наиболее примитивная первичная форма земледелия сложилась в низинах, в заболоченных теперь речных поймах, т. е. в «корадайроводе», на хакобных землях; здесь применялись лиманный и каирный способы орошения. Участки орошали естественным разливом потоков и использовали сезонно. Второй период развития ирригации и земледелия Б. А. Латынин характеризует началом освоения небольших оросительных систем с искусственным водосбором на нижней окраине предгорий для поливов высоко расположенных мест. В этих районах и сохранялись поклонение неполивным землям, а также общие кладбища вокруг наиболее почитавшихся «святынь». И наконец, сложением больших разветвленных веерных систем магистралей, по мнению Б. А. Латынина, характеризуется третий этап освоения Ферганской долины. По-видимому, к этим районам относится предгорная равнина. Здесь отсутствовали крупные «святыни» и общие для многих селений кладбища; в этих местах магистральные каналы носили два названия.

На основе приведенных этнографических и археологических данных можно предположить, что развитие орошаемого земледелия в Ферганской долине шло от нижних частей водного бассейна, более доступных для древнего человека, к средней и верхней частям оросительных магистралей.

<sup>8</sup> Латынин Б. А. К вопросу об истории ирригации.— Сборник АН СССР, посвященный акад. Н. Я. Марру. М.—Л., 1935, с. 697—708; *его же*. Вопросы ирригации древней Ферганы.— Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры, 1956, вып. 64, с. 15—26.

#### **Ш. А. Богина**

#### **ОБ ИЗУЧЕНИИ ЭТНИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ АМЕРИКАНСКОЙ СЕМЬИ**

Исследование семейного строя народов мира стало одной из важных тем советской этнографии. Начатое в этой связи Сектором народов Америки Института этнографии АН СССР изучение семьи у народов Америки ориентировано на выяснение связей семьи и этнических процессов во временных рамках XX в. Оно связано со значительными трудностями ввиду большого этнического и расового разнообразия американского населения и различия исторических стадий, переживаемых разными его частями — от родового общества индейских племен Амазонии до развитых капиталистических обществ Северной Америки и социалистического строя Кубы.

Однако можно, пожалуй, сказать, что преобладающим типом (иногда тенденцией) семейного развития во всех странах Америки стала нуклеарная семья городского типа в ее современных разновидностях. Этому способствовала урбанизация, возобладавшая в Северной Америке и бурно развивающаяся в Америке Латинской.

Далее будет сделана попытка показать в предварительном порядке, как характеризуется семья в США (к которой очень близка семья Канады) новейшей американской литературой. Именно в США в значительных размерах с начала XX в. и особенно усиленно в последнее десяти-